

Автора!

ЛИТЕРЕКРЕСТОК

Сегодня наша рубрика "Автора!" предлагает вашему вниманию интервью двух писателей, имена которых связывает, наверное, лишь общая языковая принадлежность. И всё же речь и в одной, и в другой беседе идет об одном и том же - как живет наша нынешняя литература. Как велика пропасть между двумя этими поколениями, и к кому вам хотелось бы присоединиться - судите сами. Итак - перед вами автор "Царь-рыбы" и "Печального детектива" и автор сборника рассказов "Как я, и как меня" и романа "Как я занимался онанизмом".

- Виктор Петрович, сегодня меняется всё, в том числе меняется и роль писателя в нашей жизни. Вам сегодня легче пишется или тяжелее, чем раньше?

- Наше искусство и наша литература всегда с народом были добры, виноваты перед ним, поскольку литературу всегда составляли баре. Лев Толстой, например, все переживал, что живет роскошно, а народ мается. И, к сожалению, воспринимая нашу литературу, народ наш гневается и кипит, когда про него "говорят неправду", то есть начинают говорить о его нехороших делах отстраненную истину. Приучен он, чтобы его жалели, поглаживали: "Бедный наш народ, несчастный наш народ, мы тебя спасем, мы спасемся" - отсюда и пошло-поехало.

ОТТУДА и ломка страшная происходит. Вот пишет мне одна читательница из Выборга - "Я бы всех писателей перевешала", и подписывается "Ленинец". Конечно, работать, писать для такого народа очень тяжело. Я уже мало с кем общаюсь, почти нигде не бываю, никаких выступлений не делаю. Но мне такое одиночество - нравится.

- А как вы считаете, в каком возрасте пишется лучше - в молодости или на склоне лет? Что дает жизненный опыт?

- Вообще надо начинать писать рано, как Пушкин, как Лермонтов. Шолохова спасло то, что он "Тихий Дон" начал писать в двадцать три года. Потому там много воздуха, озорства, полета, свободы, которые только в молодости даются. На прозе пожилых, и на моей, лежит печать какой-то тяжести, одышливости, непродышливости.

Ну для нашего времени я тоже поздно начал - в двадцать восемь лет. Долго я шел к этому, звезд с неба не хватал, просто заставлял себя работать, работать, читать, читать, развиваться, слушать, ходить повсюду. (Мне, может, тоже хотелось посидеть - водки попить.)

НО ДЛЯ полноты сознания, полноты удовлетворения, особенно сейчас, когда рука набита (во всяком случае, как плотник, - угол зарубать умею) особенно остро и болезненно чувствую недобор культуры. Мы не читали и по существу не знаем духовной литературы, основ всей философии, основ всей культуры. Все-таки мы - верхогляды. И самые даровитые из нас не могут реализовать себя даже наполовину. И сознание этого очень угнетающе. Сейчас ведь хлынул такой поток замечательной литературы, а читать мне сложно - один глаз ведь только видит... А так - читай - не перечитаешь.

- Но вы не касаетесь литературы сегодняшнего дня...

- А что? И коснусь... А пишется совсем неплохая литература. Я смотрю "Новый мир", "Знамя", "Юность", тонкие журналы попадают. И хочу сказать, что в "Новом мире" почти в каждом номере есть вещи в прозе или публицистике высокой пробы. Для подготовленного читателя, конечно. Я пусть полуподготовленный, но всё-таки понимаю, о чем пишут. А есть выдающиеся произведения, вроде "Казенной сказки" Павлова, "Свободного падения" Петкевич (ну оно называется "Плач красной суки", его переименовали, журнал стал юбочку одергивать).

Свобода слова все-таки дает свои

плоды. Из столов уже ничего не вынимается, да и вообще здесь из столов ничего такого не было вынуто, все в основном из-за границы пришло.

То есть греха на душу не возьму - говорить, что конец литературе. Заелись.

- Вы к нашей классической литературе относитесь с пiete-том?

- У меня есть хрестоматия - провинциальная литература. Начиная с Мамина-Сибиряка, Короленко, Надсона, Дала, Ершова, Писемского, Помяловского, Апухтина - кого там только нет. Тридцать шесть штук таких! Вот такая хрестоматийца! А ведь это всё у нас

второстепенные авторы. А еще и первостепенных - читай - не перечитаешь в жизни. А Гоголь, Пушкин? Сейчас по-иному их перечитываешь, как новых авторов. Даже оторопь берет, думаешь: "Боже мой, матушки, - куда забрался с суконным рылом в калашный ряд. Как надо работать, чтоб хоть малешечко соответствовать этой высоте". Потрясающая литература.

- Виктор Петрович, а вам какая-то писательская нетерпимость свойственна?

- Был у меня период... Опасен он для нашего брата, многие от такой самонадеянности и писать останавливались. А я, переборовавши свою натуру-дуру, преодолел. Это опасное дело, ведь без какого-то духовного общения закоснеть можно по-провинциальному, возлюбить себя, возомнить о себе. Но мне еще помогло то, что я всегда дружил с критиками. Любый характер, любая натура творческая нуждаются в общении с другими сосудами, сама по себе она может еще не преодолеть ни косности своей, ни консерватизма, нужна помощь извне.

МЕНЯ как-то друг мой - Александр Николаевич Макаров, критик, разыграл: "Виктор Петрович, является к тебе такое сознание - как здорово я написал, ох - я! эх - я!" - Я говорю: "Является". А он спрашивает: "И как борешься?" - Я говорю: "Очень просто - снимаю с полки Гоголя, или Пушкина, или Чехова, открываю на любой странице и читаю". Он и говорит мне: "Вот-вот, голубчик, я из-за этого стихи перестал писать". Так что - хорошее лекарство. Вот недавно я перечитывал Бунина "В деревне", рассказы - надолго хватит успокоиться. Всё в один звук, в одном стиле... палец не всунешь нигде! Он же каплю на былке пол-страницы может описывать!

- А как вы, поклонник классики, относитесь к авангарду? Есть писатели старшего поколения, которые его на дух не переносят, их так мутит от мата и разрушения литературных табу, что они бы с удовольствием запретили это печатать.

- А что - пусть печатают. Нормально отношусь. Может быть, несколько лет назад и по другому бы сказал... А сейчас думаю - всем место найдется должно...

